

И.Стернин. Как уважать себя заставить? Ученый-филолог размышляет о наболевшем. Поиск, № 8 (2017), 24 февраля 2017 г.

№ 8(2017)

24.02.2017

О проблемах, с которыми сталкиваются российские гуманитарии при подготовке статей в англоязычные международные журналы, в общих чертах известно: их попытки донести российскую специфику до зарубежных специалистов, следуя традиционным издательским правилам, часто завершаются неудачей. А печататься только в "домашних" изданиях - совсем не в духе времени, да и рейтинги научные страдают. Как же быть? Профессор Воронежского государственного университета доктор филологических наук Иосиф Стернин анализирует ситуацию и делится

своими выводами с читателями "Поиска".

О рейтингах

В последнее время меня постоянно учат, как надо писать научные статьи и где мне их следует печатать.

Почему? А чтобы у меня был рейтинг.

Кто-то решил подогнать всю нашу науку и наши статьи под стандарт, принятый на Западе (отмечу, в основном в естественных науках). Для меня как гуманитария это особенно странно.

Scopus, WebofScience - теперь главные критерии моей научной деятельности. Только в индексируемых там изданиях мне надо публиковаться. Иначе я не ученый и звать меня никак. Этого требует от меня руководство вуза, ВАК, министерство (в отчетах о научной работе), различные фонды, к которым можно обратиться за грантами.

Монографии, изданные в России, больше не считаются за научные работы, а многочисленные межвузовские сборники, которые у нас в стране традиционно выпускаются вузами и научными школами, тезисы и материалы выступлений на крупных научных конференциях вообще никто не учитывает, и ни для одного рейтинга они не нужны. А ведь именно там зачастую печатаются важные и ценные результаты аспирантов и докторантов, преподавателей вузов, действующих ученых.

Почему же мы так не уважаем собственную российскую науку?

Необходимо бороться за качество научной продукции, спору нет. Надо поставить барьеры липовым диссертациям, липовым защитам, липовым статьям. Однако множась непомерные формальные требования (касающиеся содержания, цитирования, библиографии, перевода на английский и т.д.) к научным публикациям затрудняют работу настоящих ученых и упрощают жизнь халтурщикам и плагиаторам, которые все перечисленное тщательно соблюдают. На их "липу" сквозь пальцы посмотрят редакторы, рецензенты и выведут заключение: хорошая работа (статья,

монография, диссертация) - все требования соблюдены, можно и не читать, а публиковать или защищать.

Рейтинги достижений ученых нужны нам в первую очередь внутри страны в рамках соответствующего научного направления, науки, отрасли. И составлять их должны специалисты данной отрасли, а не чиновники и не технические работники по формальным показателям, установленным ими самими.

Очень важно, цитируют ли тебя в авторефератах и диссертациях, это главный показатель научного уровня - осваиваются ли твои идеи учеными, востребованы ли они в научном направлении. А это как раз нигде не учитывается. Самые интересные и плодотворные научные идеи могут высказываться учеными, работающими в вузах (а таких большинство), в вузовских тематических сборниках, периодических межвузовских сборниках, материалах конференций. Важно качество статей, будут ли на них ссылаться и развивать изложенные в них идеи, а не то, где это опубликовано. Нигде в рейтингах не учитывается, сколько ученый подготовил кандидатов и докторов наук - а ведь это важнейший показатель научной продуктивности ученого.

Общее количество работ ученого и общая цитируемость всех его работ важнее пресловутого Хирша, именно они свидетельствуют о научной активности и продуктивности. У меня, кстати, индекс этого самого Хирша - 43, руководству это нравится, но что это говорит о моем научном потенциале, моих научных результатах? А вот более 1000 публикаций, более 14 тысяч цитирований, 90 защитившихся аспирантов и докторантов говорят, как мне кажется. Именно это характеризует меня как активно работающего ученого. И именно это должно определять мой рейтинг.

Об инструкциях

Многочисленные журналы приглашают печататься у них и при этом присылают список требований к статьям, который занимает иногда до 1 п.л.! Только что получил две такие инструкции от известных московских вузов - на 14 и 16 страниц.

Ради чего все это?

А ради тех же зарубежных рейтингов.

Журналы, претендующие на ваковский статус и международный рейтинг, диктуют автору, что должно быть в его статье и чего там быть не должно.

Кто вообще имеет право за меня решать, о чем мне писать и что включать в статью, а что не включать? Кто эти люди, какова их квалификация в моей науке и чем они руководствуются в своих инструкциях?

Приведу самые с моей точки зрения вопиющие требования из нескольких журналов по филологии.

Итак, вот что я должен включить в статью обязательно:

В РЕЗЮМЕ я должен обеспечить читателю возможность “понять уникальность статьи (исследования или обзора)” - чем она отличается от аналогичных работ. Но ведь я пишу о конкретной проблеме, а не об

уникальности своего исследования и вовсе не обязательно сравниваю свои результаты с другими исследованиями.

“Объем текста в РЕЗЮМЕ в пределах 200-300 слов” - почему за меня решают, сколько слов мне написать? Может, мне и двух строчек хватит?

Нужна развернутая англоязычная аннотация. Зачем вообще мне, филологу, делать англоязычные аннотации? Нас ведь читают специалисты, и они знают тот язык, который является материалом исследования.

Как гуманитарий скажу, что вообще мы наносим своими английскими аннотациями огромный вред отечественной гуманитарной науке. Большое количество наших оригинальных идей и терминов не может быть адекватно переведено на английский (например, в отечественной лингвистике за долгие годы сложился свой самобытный понятийный аппарат и многие наши филологические термины на английский язык просто не переводятся - там нет ни таких понятий, ни слов для их обозначения), многие аспекты и даже направления наших гуманитарных исследований, наша проблематика за рубежом вообще не интересны, а вымученный приблизительный перевод создает у англоязычного читателя ложное представление о содержании наших работ.

Пропагандировать нашу науку и наши достижения надо не переводами аннотаций и библиографии на английский язык, не подгонкой структуры научных публикаций под западные традиции, не пропихиванием статей за большие деньги в распространяемые за рубежом издания, а прежде всего нашим участием в международных научных конференциях, в личных встречах с коллегами, в ходе которых появляется возможность что-то развернуто рассказать, объяснить свои позиции, представить свои термины для новых явлений, пояснить свою позицию в дискуссиях и ответах на вопросы, реально преодолев трудности перевода и различия в терминологическом аппарате, исследуемой проблематике и применяемых методах.

Стандартный объем статьи 4000-6000 слов (15-20 страниц, шрифт 14, интервал 1,5). Почему именно столько страниц? А если меньше? Если мне столько не надо?

“Введение: обосновывается актуальность статьи, обозначается проблема, ранее частично рассматриваемая / не рассматриваемая в науке. Указывается ее практическое значение. Определяется вклад данной статьи в науку. Предлагается обзор литературы по рассматриваемой проблеме (история вопроса), сравниваются источники (не менее 20-30). Объем - 1-2 страницы”.

Почему за меня решают, сколько страниц должно быть во введении и что мне там написать? Как определить вклад статьи в науку - это ведь не диссертация и не монография? Почему я должен сравнить именно 20-30 источников? А если сравнивать нечего? И зачем сравнивать, если можно просто сослаться на нужную работу? Зачем описывать практическое значение статьи? А если статья теоретическая, фундаментальная?

“Методы и материалы исследования: обозначаются и описываются методы исследования, материалы, предлагается организация эксперимента, методика работы. Объем - 1-2 страницы”.

А если нет эксперимента? Зачем описывать методы исследования, если можно просто сослаться на них?

“Результаты: предлагается оценка результатов исследования, сравниваются полученные результаты с результатами исследований других авторов. Объем - 1-2 страницы”. Почему я должен сравнивать свои результаты с другими? А если вообще никто этим раньше не занимался?

“Обсуждение: описывается исследование, обозначается научная новизна работы для отечественной и зарубежной науки, определяются перспективы. Объем - 8-15 страниц”. Как я могу определить значение своей статьи для отечественной и даже зарубежной науки, если она еще не опубликована? Какие могут быть перспективы у статьи? Перспективы бывают у научного направления.

“Библиографический список: 20-30 источников, указываются источники за последние 5-10 лет, приветствуются ссылки на иностранную литературу”. Почему мне диктуют, за какой период я должен брать источники и сколько их должно быть, если неизвестно содержание и проблематика моей статьи? А если зарубежные ученые этим не занимались и не занимаются (что чаще всего и бывает в филологической науке)?

Подобные требования уместны к монографиям, диссертациям, но не научным статьям. При этом конкретная наука в предлагаемых мне “указаниях” никак не учитывается - к филологам, медикам и математикам требования абсолютно одинаковые. Вот что написано на сайте одного филологического журнала: “При подготовке рукописи для направления в редакцию авторам следует руководствоваться следующими правилами, составленными с учетом требований российских и международных ассоциаций и организаций, в том числе “Единых требований к рукописям, предоставляемым в биомедицинские журналы” (UniformRequirementsforManuscriptsSubmittedtoBiomedicalJournals) и т.д.”.

Почему я, филолог, должен писать как медик?

Требуют еще указать источник финансирования (?), выдвигают целую кучу совершенно ненужных требований к оформлению библиографии, указывают, что мне, как автору, нельзя ссылаться на свои работы. А именно: “Следует избегать самоцитирования... Самоцитирование желательно ограничить 3 ссылками”.

Почему нельзя сослаться на свои ранее полученные результаты? Я много лет разрабатываю одну проблему и каждый раз ссылаюсь на уже достигнутое. Прикажете повторять все в каждой новой статье?

Что мне кажется разумным

Рейтинг российских ученых нужно определять, прежде всего, в их отрасли внутри России. Системы РИНЦ для этого вполне достаточно.

Учитываться должны все публикации и все цитирования, независимо от места публикации и издания.

Не надо тратить силы на перевод на английский язык развернутых аннотаций - для того, чтобы содержание статьи заинтересовало потенциального иностранного читателя, перевода ключевых слов более чем достаточно.

Абсолютно убежден, что все так называемые ваковские журналы должны быть бесплатными - нельзя брать деньги ни за публикацию, ни за рецензирование статей, это чистая коммерция на науке. Аспиранту статьи, необходимые для защиты, обходятся в десятки тысяч, докторанту - в сотни тысяч рублей. Если вуз или учреждение заинтересовано в наличии ваковского статуса у своего журнала, оно обязано обеспечить полное финансирование издания. При этом вне контекста защиты диссертаций нельзя требовать от исследователя наличия именно ваковских публикаций (например, для прохождения по конкурсу, присвоения ученого звания, выступления оппонентом, выполнения функций представителя ведущей организации) - это его личное дело, где и что публиковать. Давайте уважать собственную науку и собственных ученых.

От редакции: Приглашаем читателей обсудить поднятую автором проблему.

[О.Кириллова. Зачем учить ученого. Подготовка научной статьи - это тоже наука. Поиск № 11, 17 марта 2017](#)

[Международное сотрудничество](#)

[№ 11\(2017\)](#)

17.03.2017

Проблемы ученых-гуманитариев, поднятые в недавно опубликованной в "Поиске" (№8, 2017) статье профессора И.Стернина "Как уважать себя заставить?" и связанные с подготовкой статей, соответствующих международным требованиям, и их влиянием на научные рейтинги авторов, оказались небезразличны нашим читателям. Сегодня мы хотим познакомить их с мнением одного из самых сведущих в этом вопросе специалистов - эксперта Scopus, председателя Российского экспертного совета по оценке и продвижению журналов в международные информационные системы, президента Ассоциации научных редакторов и издателей Ольги Кирилловой.

За широту аудитории

Статья профессора И.Стернина отражает достаточно типичное отношение филологов к текущей ситуации и к поставленной для всех ученых России задаче выходить на международный уровень, печатаясь в журналах, индексируемых в международных наукометрических базах данных (МНБД), в частности Web of Science Core Collection (WoS CC) и Scopus. Если честно, выступление ученого в определенной степени заслуживает поддержки,

многие высказанные замечания справедливы. Однако некоторые из аспектов проблемы требуют комментариев и пояснений, а где-то - возражений.

Надо отдать должное профессору Стернину в том, что он поднял вопросы, которые заслуживают объективной оценки, так как касаются интересов большей части его коллег, представляющих не только гуманитарные, но и социальные области науки. Какие же решения и какие шаги можно предпринять, чтобы оценка научной деятельности и публикационной активности авторов этих областей науки была более объективной и адекватной, а публикации качественными и доступными всему заинтересованному научному сообществу, как российскому, так и зарубежному?

Как эксперт Scopus, имеющий многолетний опыт экспертизы журналов для этой БД (причем не только российских), не могу поддержать точку зрения о том, что результаты российских исследований в гуманитарных и социальных науках никому за рубежом не интересны, как неинтересны и российские журналы. Однако не поддерживаю также и противоположную (крайнюю) точку зрения, что МНБД можно и нужно считать единственными ресурсами для получения данных о качественных публикациях российских ученых по этим областям знания и строить на их основе отчетность о научной деятельности.

Менее 10 лет назад, когда было принято Постановление №312 от 8 апреля 2009 года “Об оценке и о мониторинге результативности деятельности научных организаций...”, перед российскими учеными впервые была поставлена задача расширения присутствия в международном научном информационном пространстве. Это позволило по-новому взглянуть не только на наши публикации и журналы, но и в целом на российскую науку в сравнении с мировой.

Пребывание долгие годы, можно сказать десятилетия, в изолированном информационном пространстве сформировало у большинства российских ученых представление об исключительности своих исследований, никаким образом не пересекающихся с международной гуманитарной наукой. Нацеленность только на внутреннюю, российскую научную читательскую аудиторию, или ограничение аудитории собственным кругом общения, или вообще отсутствие интереса к тому, кто будет читать статьи и другие работы, имеет следствием то, что написанное в малоизвестных изданиях, с годами ставших недоступными, осталось неизвестным широкой научной аудитории, молодому поколению исследователей. Так случается и сейчас, когда авторы публикуют свои работы в сборниках статей собственных университетов, межвузовских сборниках или выпускают монографии и учебные пособия тиражом 100 экземпляров. Еще хуже, если авторы размещают свои результаты только в виде тезисов в сборниках докладов региональных или российских конференций и более нигде.

Не могут самые интересные результаты научных работ оставаться только в таких изданиях! Даже труды международных конференций, если они не

опубликованы в каком-либо журнале, не гарантируют достойной читательской аудитории.

К тому же сборники тезисов и трудов конференций, издаваемые в России, как правило, являются нерцензуемыми изданиями. Излишне говорить, что любое научное произведение, прежде чем быть изданным, должно быть оценено коллегами, независимо от статуса и заслуг ученого. И это нормальная, признанная международная практика. Хотя в российской редакционно-издательской и авторской среде до сих пор нет полного понимания важности независимого рецензирования. Но это уже другая тема...

Аналоги есть!

Во всем мире признано требование, чтобы в сопровождающих публикацию списках литературы цитировались доступные или имеющие место постоянного хранения издания. Это сделано потому, что цитируемые источники по всем международным стандартам и признанию международного научного сообщества могут стать для ученых отправной точкой для дальнейших исследований, доказательствами достоверности использованных методов и полученных результатов, стимулом для ознакомления с другими работами автора публикации. Действительно, смешно выглядит в приведенной в качестве примера профессором И.Стерниным инструкции для авторов журнала ограничение на цитирование не более трех собственных публикаций (и правда, почему трех?), однако одно только самоцитирование не может поддерживаться ни журналом, ни экспертами, ни коллегами. Не может автор оригинальной научной статьи не провести хотя бы минимальный анализ исследований, выполненных до него. Никогда не соглашусь с заявлением, что исследования некоего автора, в том числе и в гуманитарных науках, не имеют никаких аналогов и никакой предыстории. Мы живем в информационном обществе, насыщение знаниями в котором уже переполняет возможности их восприятия, поэтому мало что в нашем веке остается хотя бы в какой-то степени не изученным. Важно только уметь найти это изученное, иметь навыки или помощников в его поиске.

Всем известно, что в диссертациях, как правило, приводятся большие списки литературы, которую соискатель при всем желании не в силах прочитать. Думаю, не надо пояснять, как составляются эти списки. Например, цитирование работ научного руководителя является обязательным условием при написании диссертации, и количество таких ссылок никоим образом не регулируется. Это - к вопросу об индексе Хирша (в статье упоминается, что у ее автора он составляет 42) и большом количестве ссылок на работы профессора И.Стернина по данным РИНЦ. Столь высокая цифра вполне объяснима и оправдана при большом объеме научно-педагогической деятельности, значение которой никто ущемлять не намерен.

Приведенные выше аргументы даны для того, чтобы показать, что в современном глобальном информационном мире очень важно сделать опубликованные результаты исследований доступными для читателя. Изданиями, которые обеспечивают доступность и широкое использование

результатов, являются периодические издания. Мне могут возразить, что для гуманитариев основным источником знаний является монография. Но ведь монография пишется, когда исследование завершено или перешло в заключительную фазу. Она должна быть законченным полноценным произведением, представляющим конечный результат работы (или ее большого этапа) и обзор предшествовавших исследований в полном объеме. Но разве промежуточные и основные результаты исследований не должны публиковаться в научных журналах? Именно такие публикации дают оперативную и доступную всем ученым, в том числе гуманитариям, информацию о происходящем в их области знаний.

Безусловно, подготовить публикацию в авторитетный международный журнал - это большая и длительная работа. Затрудняют подготовку статей и языковые ограничения, и большая конкуренция, однако такая задача вполне может быть решена и через растущий пул российских журналов, включаемых в МНБД, который становится все более значимым.

Конечно, не исключаются любые другие научные коммуникации. И чем шире они, тем больше возможностей выйти на международный уровень предъявлением результатов своей работы. Пока же остается только сожалеть, что, будучи авторитетным ученым с мировым именем, членом Международной ассоциации прикладной психолингвистики, Международной прагматической ассоциации и Общества научно-технического и культурного сотрудничества с Германией, профессор И.Стернин не представил в должном объеме свои исследования мировому сообществу.

Сила инструкции

Согласна с автором статьи в том, что порой требования, которые приводят наши журналы в своих инструкциях для авторов, выглядят абсурдными. Особенно если они плохо продуманы, формальны и совершенно не учитывают тематику исследований. Скорее всего, они продиктованы желанием бороться с поступающими некачественными статьями и каким-то образом научить авторов грамотно излагать материал, ответив на вопросы, позволяющие задуматься и понять, что научная статья все-таки должна отличаться от "потока сознания", от публицистической или популярной статьи, должна иметь определенную структуру, облегчающую восприятие, логику изложения, определенную завершенность и т.д. Не будем сейчас говорить, какой должна быть научная статья. Этому посвящено множество различных публикаций и методических материалов. И хотя авторитетный ученый имеет на это свою точку зрения, тем не менее каждый журнал устанавливает свои правила и имеет право контролировать и требовать их выполнения авторами.

Все ведущие издательства мира разрабатывают инструкции для авторов, выдвигают требования к подаваемым рукописям, так как стремятся получить качественный, логичный, достоверный, грамотный научный материал, корректно его представить читателям, не уронив своего авторитета. Каждый журнал ответственен за контент, который предлагает своим читателям. Российские журналы в принципе с этой традицией не знакомы. Безусловно,

приведенный в статье И.Стернина пример инструкции для авторов скорее показывает, как не надо писать инструкции. Но то, что они в принципе нужны, неоспоримо. Причем качественные, продуманные, логичные, с необходимыми, но не избыточными требованиями.

Структура аннотации и статьи, оговоренный объем научной статьи - эти требования в инструкциях зарубежных журналов взяты не "с потолка". Проведено немало исследований на эту тему. Аннотация, информативная, содержательная, кратко и емко раскрывающая основные положения статьи, является наиболее важной ее частью, которую читают чаще, чем любую другую, однако контроль за ее качеством всегда берет на себя редакция журнала. Это мировая практика. Зарубежные гуманитарные журналы просят от своих авторов аннотации от 100-150 до 200-250 слов. Для русскоязычных статей тем более важно иметь англоязычные аннотации с краткой, но максимально полной информацией об их содержании.

Обоснованы требования и к структуре и объему научной статьи. Установлено, что в зависимости от научной дисциплины оригинальная научная статья, содержащая полноценное представление результатов исследования, не может быть меньше 3000-6000 слов (6-10 страниц текста в журнале с иллюстрациями). Могут быть другие типы научных публикаций - заметки, краткие сообщения, письма в редакцию и т.д., для которых такой объем не требуется. Безусловно, могут существовать и отступления от этих правил. Однако статьи от 1,5 до 3-4 журнальных страниц обычно воспринимаются как "нарезка салями", то есть намеренное дробление изложения результатов исследования по нескольким публикациям для увеличения их числа.

Стремление российских журналов попасть в Scopus или WoS CC требует от них соответствия международным стандартам, как формальным, так и по качеству публикуемого материала. И часто оказывается, что это достаточно сложно. Одно дело - соответствовать международным издательским стандартам, другое - наполнить журнал таким контентом, который был бы понятен, интересен и принят международным сообществом и стал бы привлекательным во всех отношениях для российских ученых.

Профессор И.Стернин, являясь авторитетным ученым, не может не знать о той большой бреше, которая возникла в связи с тем, что у молодого поколения ученых не сформированы и не формируются навыки академического письма, не только на английском, но и на русском языке (я не говорю о грамотности молодого поколения, точнее, о ее отсутствии). В Интернете, на Youtube и других специальных сайтах можно найти массу записей лекций зарубежных профессоров для молодого поколения ученых о том, как проводить исследование, как писать научные статьи, диссертации и т.д. На сайтах ведущих зарубежных издательств, зарубежных университетских библиотек размещена масса материалов, помогающих авторам подготовить качественную статью, соответствующую международным стандартам. Много ли у нас таких лекций? Много подобных материалов на сайтах библиотек? Думаю, единицы. Возможно, этим отчасти

и объясняется, что сложившаяся практика и навыки написания статей старшим поколением отечественных ученых, к сожалению, до сих пор остаются советскими или сугубо российскими. Как и издательские стандарты, которые также отличаются в значительной степени от того, что требуется в условиях расширяющихся научных коммуникаций и международного взаимодействия ученых разных стран.

И последнее. Мне трудно согласиться с тем, что РИНЦ может быть единственным и достаточным ресурсом для демонстрации опубликованных результатов научных исследований. И хотя на национальном уровне в настоящее время ему замены нет, учитывать в отчетах любые издания и публикации, без ограничений включаемые в РИНЦ, в том числе весь тот “мусор”, который в большом объеме появляется в, мягко говоря, недоброкачественных изданиях, и все это считать научным продуктом - невозможно! Только издания и публикации, отобранные по серьезным критериям, прошедшие рецензирование и тщательную редакционную подготовку, могут быть признанными в научных отчетах и проектах. Иначе мы захлебнемся в потоке никому не нужной некачественной и ненаучной информации!

Фото предоставлено О.Кирилловой

**Ответ И.А.Стернина О. Кирилловой
(в публикации ответа «Поиском» отказано)**

И.А.Стернин. Два взгляда на науку: профессор и чиновник

В «Поиске» № 11 17.3.2017 был опубликован отклик О.Кирилловой на мою публикацию «Как уважать себя заставить» (№ 8, 2017). – Отклик носит название «Зачем учить ученого. Подготовка научной статьи - это тоже наука».

Я получил на свое выступление в "Поиске" и других изданиях очень много откликов, коллеги меня в подавляющем большинстве полностью поддержали. Справедливости ради, отмечу – было и много пессимистических реакций (*все правильно, но кто это услышит...*), были полемические реакции от филологов-англистов, которые считают, что надо обязательно печататься в англоязычных научных журналах. Конечно, им надо, и на английском языке – носители языка их оценят и что-то почерпнут для себя из зарубежных исследований их родного языка. Но другим-то зачем? Спасибо за отклик и О.Кирилловой, за поддержку многих моих соображений - «если честно, выступление ученого в определенной степени заслуживает поддержки, многие высказанные замечания справедливы», пишет она; надо «отдать должное профессору Стернину в том, что он поднял вопросы, которые заслуживают объективной оценки, так как касаются интересов большей части его коллег, представляющих не только гуманитарные, но и социальные области науки».

О. Кириллова - компетентный эксперт Scopus, председатель Российского экспертного совета по оценке и продвижению журналов в международные информационные системы, ее мнение по затронутым вопросам очень важно; но при этом она и заинтересованный чиновник, который, естественно, пишет о важности и необходимости того, чем она занимается - продвижение наших журналов за рубежом, при этом ссылаясь на документ - Постановление №312 от 8 апреля 2009 года «Об оценке и о мониторинге результативности деятельности научных организаций...». Так что это взгляд чиновника, функционера.

Есть с О.Кирилловой у нас точки соприкосновения, но есть, естественно и разногласия. Одно из них связано с тем, что О.Кириллова интерпретировала мои мысли несколько односторонне – получается, что я, якобы, против международных публикаций наших ученых, против «широты аудитории». Упаси боже! Но «продвигать наши журналы за рубежом» и требовать от российских ученых публикаций за рубежом как критерия оценки их научной состоятельности – совсем разные вещи.

Совершенно ясно, что надо продвигать наши журналы за рубеж. И они должны соответствовать международным требованиям. И в них надо публиковаться. Никто в здравом уме не будет с этим спорить.

Но наличие или отсутствие отечественного автора в таких базах данных не может быть основным критерием качества его научной деятельности в родной стране.

Моя идея в том, что сейчас настоятельно требуют ответов следующие вопросы.

Вопрос 1. Должна ли в России публикация в журнале, зарегистрированном в международных базах данных, являться основным или единственным критерием оценки профессиональной и научной деятельности ученого? И является ли такая публикация свидетельством международной известности ученого, высокого качества его профессиональных достижений? Я считаю - нет.

О.Кириллова, кстати, здесь со мной соглашается: отмечает, что она не поддерживает крайнюю «точку зрения, что МНБД можно и нужно считать единственными ресурсами для получения данных о качественных публикациях российских ученых по этим областям знания и строить на их основе отчетность о научной деятельности». Но при этом меня лично О.Кириллова пожурит с позиций «широты аудитории»: «Пока же остается только сожалеть, что, будучи авторитетным ученым с мировым именем ... профессор И.Стернин не представил в должном объеме свои исследования мировому сообществу».

Во-первых, почему ж я не представил? Откуда у О.Кирилловой такие сведения? Это я, наверно, в Скопусе не «представил», хотя у меня там есть некоторые работы (попали туда без моего ведома). Но при этом у меня есть ученики и последователи в Германии, Финляндии, Сербии, Польше, Киргизии, Ираке, Сенегале- они заинтересовались моими работами и работами моих учеников во время моих командировок за рубеж, на

международных конференциях, во время их посещений нашего университета и учебы в России. И это без всякого Скопуса, то есть *при личном контакте*. Некоторые мои работы они сами перевели на ряд европейских и восточных языков, а одну из своих книг – о русском и американском коммуникативном поведении – я выпустил и на английском языке, поскольку она интересна и американцам, не знающим русского языка.

И, во-вторых – я убежден, что международная известность не может являться целью деятельности ученого. Его цель – наука. Станет он известным за рубежом – хорошо, но это зависит от очень многих факторов, и их нельзя «организовать» бюрократическими процедурами. Кстати, за рубежом знают и активно переводят Толстого, Достоевского, Чехова и Пушкина. Гораздо меньше переводят Лермонтова, Салтыкова-Щедрина, Гоголя, А.Н.Островского и многих других – но это никак не значит, что эти писатели «хуже» - для нас, россиян, их рейтинг не менее высок.

Вопрос 2. Всегда ли наличие журнала в зарубежных информационных базах данных SCOPUS или WEB OF SCIENCE является доказательством высокого научного уровня опубликованных там статей?

Мне неизвестны доказательства этого. И эти доказательства, по-моему, никогда и никем не представлялись. Я видел в ваковских, и в скопусовских журналах массу откровенно слабых работ. Кстати, нередки случаи, когда во многие рецензируемые журналы статьи студентов или аспирантов принимают, а профессоров нет. Какой уж тут показатель научного уровня... Кстати, многие журналы из базы СКОПУС все время через Интернет предлагают гарантированные платные публикации за большие деньги. Заплатил - и вот тебе СКОПУС в научный отчет или грант. Это показатель финансовой состоятельности ученого, а не его научного уровня.

3. Надо ли диктовать ученым, где они должны публиковаться?

О.Кириллова считает, что надо – а то такую ерунду пишут... Я полагаю, что не надо. Ни в коем случае.

За качество научной продукции, против липовых исследований и диссертаций нужно бороться, таких развелось огромное количество - но никак не предъявлением формальных требований. Если пишут ерунду, не надо печатать, не надо принимать к защите и давать степень. Отвечают за качество работы научные редакторы, научные руководители и диссертационные советы, а не место публикации или статус журнала.

Качество научной работы и место ее публикации, а также тип издания, тип журнала напрямую между собой никак не связаны. Надо давно отказаться от «географического гонора» в оценке публикаций ученых – в России наука давно делается не только в Москве и Санкт-Петербурге, и не только в академических институтах. У нас мощные научные школы в регионах, в том числе в ведущих (и не очень) вузах страны. И в области гуманитарных и социальных наук мы во многих областях ничуть не хуже заграницы. Надо отходить от «низкопоклонства перед Западом» (термин, конечно, сталинский, идеологизированный, но сейчас, по-моему, он очень подходит - явление сформировалось у нас на новой основе).

Требовать публикаций в определенных изданиях – это придумали именно чиновники, как правило, далекие от науки и сами ничего не пишущие: ведь так очень легко строить отчеты и рейтинги, выделять гранты – не надо вникать в суть работы, надо только поручить техническому сотруднику посмотреть, где у соискателя гранта статьи опубликованы: если в Скопусе – значит, достойная работа, можно дать грант, повысить в рейтинге.

Не понимаю пренебрежительное (иначе не скажешь) отношение автора к вузовским изданиям. Почему, как пишет О. Кириллова, «научная информация остается неизвестной широкой научной аудитории, молодому поколению исследователей, ...когда авторы публикуют свои работы в сборниках статей собственных университетов, межвузовских сборниках или выпускают монографии и учебные пособия тиражом 100 экземпляров».

Почему такое огульное отрицание научного уровня публикаций российских вузов? Почему 100 экз. для монографии или пособия – это мало? За рубежом тиражи монографий не больше, да и купить их может далеко не каждый ученый. А знает ли автор, что большинство монографий наши ученые издают за свой счет? И эти 100 экз. разойдутся по специалистам – я пошлю свою монографию тем 30-40 ученым, которые занимаются этими проблемами и которые будут ее использовать, рекомендовать своим ученикам. Тираж сейчас не имеет значения, найти любую научную работу всегда можно. Я, например, на своем сайте публикую свои основные работы для студентов и аспирантов. Они вообще сегодня могут быть не изданы в печатном виде, но доступны и цитируемы специалистами. Кстати, многие мои малотиражные издания для учебной работы со студентами и магистрантами давно неведомым мне способом оказались в интернете. И все их имеют возможность читать. В интернете сейчас можно найти все.

Кстати, а какой тираж у зарубежных научных журналов? А у наших академических журналов? Хорошо, если 200 экз. (номинально стоит, в реальности меньше) - о чем это говорит? О низком качестве такого журнала? Какие основания так о нем судить? Скорее это говорит о финансовых возможностях издателей журнала.

4. Надо ли диктовать ученым, как они должны писать свои научные работы?

Вновь отвечаю – нет, конечно. Не надо «учить ученого».

О.Кириллова, с одной стороны, отмечает: «Действительно, смешно выглядит в приведенной в качестве примера профессором И.Стерниным инструкции для авторов журнала ограничение на цитирование не более трех собственных публикаций (и правда, почему трех?)». А далее автор пишет: «Установлено, что в зависимости от научной дисциплины оригинальная научная статья, содержащая полноценное представление результатов исследования, не может быть меньше 3000-6000 слов (6-10 страниц текста в журнале с иллюстрациями)». Очень напоминает популярный в обыденном сознании аргумент: «Ученые установили». Кем установлено? Пресловутыми британскими учеными?

Не надо ученому указывать, сколько страниц должна быть его статья, каков должен быть объем аннотации, надо ли писать об истории вопроса, сколько раз кого надо цитировать, каков должен быть объем заключения и под. Это все его личное дело. Наука – дело штучное и индивидуальное. Требования могут быть только техническими (шрифт, количество знаков, поля и под.) и они устанавливаются журналом или сборником.

Мы гордимся нашими экспортными достижениями – автомат Калашникова, ракетные двигатели, но это не значит, что всю нашу промышленность надо оценивать исключительно по ее экспортным показателям: кто печет около нашего дома вкусный хлеб и не экспортирует его, всегда окажется при таком подходе неуспешным производителем, хотя именно он нам нужен и мы его ценим за реальное качество его работы.

5. Как оценивать деятельность ученого?

Еще раз подчеркну - речь не о том, что индексированные в Скопусе публикации ученого не должны учитываться. Просто учитывать надо не только их.

Я убежден, что рейтинг российских ученых нужно определять, прежде всего, в их отрасли внутри России. Это сейчас, например, делает РИНЦ. И думаю, не стоит к системе РИНЦ относиться свысока, как это, по-моему, делает О.Кириллова: « Мне трудно согласиться с тем, что РИНЦ может быть единственным и достаточным ресурсом для демонстрации опубликованных результатов научных исследований. И хотя на национальном уровне в настоящее время ему замены нет, учитывать в отчетах любые издания и публикации, без ограничений включаемые в РИНЦ, в том числе весь тот “мусор”, который в большом объеме появляется в, мягко говоря, недоброкачественных изданиях, и все это считать научным продуктом - невозможно!» А «мусор» в Скопусе можно?

РИНЦ надо совершенствовать, спору нет, но зачем игнорировать собственную российскую базу данных в угоду скопусу и веб оф сайенс – ведь РИНЦ нацелен именно на российские научные достижения.

Я считаю, что учитываться при оценке научной деятельности ученого должны все публикации и все цитирования, независимо от места публикации и издания. А за качество публикаций отвечают редакторы соответствующих изданий.

Почему при оценке научной деятельности ученого не учитываются его монографии? Это самый серьезный аргумент ученого – написанная им книга. Почему не учитываются статьи ученого в тематических сборниках? Общее число публикаций? Общее число цитирований ученого в научной литературе? Именно это свидетельствует о его продуктивности и научной состоятельности.

Можно учитывать регулярность публикаций – ученый должен работать, не должно быть больших перерывов в публикациях, отражающих получение им новых результатов.

Важный фактор – количество защитившихся у ученого магистрантов, аспирантов, соискателей, докторантов.

Важен также факт научно-издательской и научно-организационной деятельности – издает ли ученый сборники по своей научной проблеме, выходят ли под редакцией ученого регулярные проблемные научные сборники по его проблеме, организует ли он конференции и другие научные мероприятия.

И еще - активно ли публикуются его ученики, есть ли у него вообще собственные ученики?

Любопытен вопрос об ограничении цитируемости определенных авторов. С моей точки зрения, полный абсурд запрещать или ограничивать какими-либо формальными количественными рамками право молодого ученого цитировать своего научного наставника, в русле концепции которого он работает. Такие запреты напоминают мне просто попытку «подавить» научную школу. Абсурдно ограничивать право ученого ссылаться на свои работы – он это делает, чтобы не повторять уже опубликованное. Полагаю, что за названные ограничения ратовать будут прежде всего те, у кого нет своих учеников и своих работ – им-то сослаться не на что.

Не надо создавать чиновничью «науку» из подготовки научных статей. Подготовка научной статьи - это не наука. Это право и ответственность самого ученого. Давайте уважать своих ученых. Они все сделают сами. Без подсказки чиновников.

Уверен что все эти проблемы надо обсуждать с научным сообществом, и министерству нужно слушать прежде всего самих ученых, а не чиновников от науки и образования.

Хотелось бы услышать соображения коллег, оппонентов и представителей Министерства по затронутым вопросам.

Давайте уважать собственную науку и собственных ученых.

[Иосиф Стернин. Почему мы так не уважаем себя и собственную российскую науку? Литературная Россия.№13. 14 апреля 2017](#)

Литературная РОССИЯ

Издаётся
с 1958 года

Мы в социальных сетях:

[VK](#)[Facebook](#)[Twitter](#)

- [Главная](#)[Архив](#)[номеров](#)[Редакция](#)[Новости](#)[Книги](#)[Лента](#)[записей](#)[Мероприятия](#)[Мир](#)[Север](#)[а](#)[Магазин](#)

Иосиф СТЕРНИН. ПОЧЕМУ МЫ ТАК НЕ УВАЖАЕМ СЕБЯ И СОБСТВЕННУЮ РОССИЙСКУЮ НАУКУ?

№ 2017 / 13, 14.04.2017

В конце прошлого года заметкой **Аллы Большаковой**, доктора филологических наук, ведущего научного сотрудника ИМЛИ РАН, члена Совета по государственной культурной политике при Председателе Совета Федерации РФ, Литературная Россия [подняла вопрос](#) о денежных поборках в ваковских журналах (ЛР, 2016, 23.12, № 45). Кстати, сама Большакова долгое время была экспертом ВАКа. К сожалению, никакой реакции от ВАКа так и не дождалась.

О рейтингах

В последнее время меня постоянно учат, как надо писать научные статьи и где мне их следует печатать. Почему? А чтобы у меня был рейтинг. Кто-то решил подогнать всю нашу науку и наши статьи под стандарт, принятый на Западе (отмечу, в основном в естественных науках). Для меня как гуманитария это особенно странно. Scopus, WebofScience – теперь главные критерии моей научной деятельности. Только в индексируемых там изданиях мне надо публиковаться. Иначе я не учёный и звать меня никак. Этого требует от меня руководство вуза, ВАК, министерство (в отчётах о научной работе), различные фонды, к которым можно обратиться за грантами. Монографии, изданные в России, больше не считаются за научные работы, а многочисленные межвузовские сборники, которые у нас в стране традиционно выпускаются вузами и научными школами, тезисы и материалы выступлений на крупных научных конференциях вообще никто не учитывает, и ни для одного рейтинга они не нужны. А ведь именно там

зачастую печатаются важные и ценные результаты аспирантов и докторантов, преподавателей вузов, действующих учёных.

Почему же мы так не уважаем себя и собственную российскую науку? Необходимо бороться за качество научной продукции, спору нет. Надо поставить барьеры липовым диссертациям, липовым защитам, липовым статьям. Однако множась непомерные формальные требования (касающиеся содержания, цитирования, библиографии, перевода на английский и т.д.) к научным публикациям затрудняют работу настоящих учёных и упрощают жизнь халтурщикам и плагиаторам, которые всё перечисленное тщательно соблюдают. На их «липу» сквозь пальцы посмотрят редакторы, рецензенты и выведут заключение: хорошая работа (статья, монография, диссертация) – все требования соблюдены, можно и не читать, а публиковать или защищать. Рейтинги достижений учёных нужны нам в первую очередь внутри страны в рамках соответствующего научного направления, науки, отрасли. И составлять их должны специалисты данной отрасли, а не чиновники и не технические работники по формальным показателям, установленным ими самими.

Очень важно, цитируют ли тебя в авторефератах и диссертациях – это главный показатель научного уровня: осваиваются ли твои идеи учёными, востребованы ли они в научном направлении. А это как раз нигде не учитывается. Самые интересные и плодотворные научные идеи могут высказываться учёными, работающими в вузах (а таких большинство), в вузовских тематических сборниках, периодических межвузовских сборниках, материалах конференций. Важно качество статей, будут ли на них ссылаться и развивать изложенные в них идеи, а не то, где это опубликовано. Нигде в рейтингах не учитывается, сколько учёный подготовил кандидатов и докторов наук, – а ведь это важнейший показатель научной продуктивности учёного.

Общее количество работ учёного и общая цитируемость всех его работ важнее пресловутого Хирша, именно они свидетельствуют о научной активности и продуктивности. У меня, кстати, индекс этого самого Хирша – 43, руководству это нравится, но что это говорит о моём научном потенциале, моих научных результатах? А вот более 1000 публикаций, более 14 тысяч цитирований, 90 защитившихся аспирантов и докторантов говорят, как мне кажется. Именно это характеризует меня как активно работающего учёного. И именно это должно определять мой рейтинг.

Об инструкциях

Многочисленные журналы приглашают печататься у них и при этом присылают список требований к статьям, который занимает иногда до одного

печатного листа (22–24 компьютерных страниц). Только что получил две такие инструкции от известных московских вузов – на 14 и 16 страниц. Ради чего всё это? А ради тех же зарубежных рейтингов. Журналы, претендующие на ваковский статус и международный рейтинг, диктуют автору, что должно быть в его статье и чего там быть не должно. Кто вообще имеет право за меня решать, о чём мне писать и что включать в статью, а что не включать? Кто эти люди, какова их квалификация в моей науке и чем они руководствуются в своих инструкциях? Приведу самые с моей точки зрения вопиющие требования из нескольких журналов по филологии. Итак, вот что я должен включить в статью обязательно:

в РЕЗЮМЕ я должен обеспечить читателю возможность *«понять уникальность статьи (исследования или обзора)»* – чем она отличается от аналогичных работ. Но ведь я пишу о конкретной проблеме, а не об уникальности своего исследования и вовсе не обязательно сравниваю свои результаты с другими исследованиями. *«Объём текста в РЕЗЮМЕ в пределах 200–300 слов»* – почему за меня решают, сколько слов мне написать? Может, мне и двух строчек хватит? Нужна развёрнутая англоязычная аннотация. Зачем вообще мне, филологу, делать англоязычные аннотации? Нас ведь читают специалисты, и они знают тот язык, который является материалом исследования.

Как гуманитарий скажу, что вообще мы наносим своими английскими аннотациями огромный вред отечественной гуманитарной науке. Большое количество наших оригинальных идей и терминов не может быть адекватно переведено на английский (например, в отечественной лингвистике за долгие годы сложился свой самобытный понятийный аппарат и многие наши филологические термины на английский язык просто не переводятся – там нет ни таких понятий, ни слов для их обозначения), многие аспекты и даже направления наших гуманитарных исследований, наша проблематика за рубежом вообще не интересны, а вымученный приблизительный перевод создаёт у англоязычного читателя ложное представление о содержании наших работ.

Пропагандировать нашу науку и наши достижения надо не переводами аннотаций и библиографии на английский язык, не подгонкой структуры научных публикаций под западные традиции, не пропихиванием статей за большие деньги в распространяемые за рубежом издания, а прежде всего нашим участием в международных научных конференциях, в личных встречах с коллегами, в ходе которых появляется возможность что-то развёрнуто рассказать, объяснить свои позиции, представить свои термины для новых явлений, пояснить свою позицию в дискуссиях и ответах на вопросы, реально преодолев трудности перевода и различия в терминологическом аппарате, исследуемой проблематике и применяемых методах.

Стандартный объём статьи 4000–6000 слов (15–20 страниц, шрифт 14, интервал 1,5). Почему именно столько страниц? А если меньше? Если мне столько не надо?

«Введение: обосновывается актуальность статьи, обозначается проблема, ранее частично рассматриваемая / не рассматриваемая в науке. Указывается её практическое значение. Определяется вклад данной статьи в науку. Предлагается обзор литературы по рассматриваемой проблеме (история вопроса), сравниваются источники (не менее 20–30). Объём – 1–2 страницы».

Почему за меня решают, сколько страниц должно быть во введении и что мне там написать? Как определить вклад статьи в науку – это ведь не диссертация и не монография? Почему я должен сравнить именно 20–30 источников? А если сравнивать нечего?

И зачем сравнивать, если можно просто сослаться на нужную работу? Зачем описывать практическое значение статьи? А если статья теоретическая, фундаментальная?

«Методы и материалы исследования: обозначаются и описываются методы исследования, материалы, предлагается организация эксперимента, методика работы. Объём – 1–2 страницы».

А если нет эксперимента? Зачем описывать методы исследования, если можно просто сослаться на них? *«Результаты: предлагается оценка результатов исследования, сравниваются полученные результаты с результатами исследований других авторов. Объём – 1–2 страницы».* Почему я должен сравнивать свои результаты с другими? А если вообще никто этим раньше не занимался?

«Обсуждение: описывается исследование, обозначается научная новизна работы для отечественной и зарубежной науки, определяются перспективы. Объём – 8–15 страниц».

Как я могу определить значение своей статьи для отечественной и даже зарубежной науки, если она ещё не опубликована? Какие могут быть перспективы у статьи? Перспективы бывают у научного направления.

«Библиографический список: 20–30 источников, указываются источники за последние 5–10 лет, приветствуются ссылки на иностранную литературу».

Почему мне диктуют, за какой период я должен брать источники и сколько их должно быть, если неизвестно содержание и проблематика моей статьи? А если зарубежные учёные этим не занимались и не занимаются (что чаще всего и бывает в филологической науке)? Подобные требования уместны к монографиям, диссертациям, но не научным статьям. При этом конкретная наука в предлагаемых мне «указаниях» никак не учитывается – к филологам, медикам и математикам требования абсолютно одинаковые. Вот что написано на сайте одного филологического журнала: *«При подготовке рукописи для направления в редакцию авторам следует руководствоваться следующими правилами, составленными с учётом требований российских и международных ассоциаций и организаций, в том числе «Единых требований к рукописям, предоставляемым в биомедицинские журналы» (Uniform Requirements for Manuscripts Submitted to Biomedical Journals) и т.д.».*

Почему я, филолог, должен писать как медик?

Требуют ещё указать источник финансирования (?), выдвигают целую кучу совершенно ненужных требований к оформлению библиографии, указывают, что мне, как автору, нельзя ссылаться на свои работы. А именно: *«Следует избегать самоцитирования... Самоцитирование желательно ограничить 3 ссылками»*. Почему нельзя сослаться на свои ранее полученные результаты? Я много лет разрабатываю одну проблему и каждый раз ссылаюсь на уже достигнутое. Прикажете повторять всё в каждой новой статье?

Что мне кажется разумным

Рейтинг российских учёных нужно определять, прежде всего, в их отрасли внутри России. Системы РИНЦ для этого вполне достаточно. Учитываться должны все публикации и все цитирования, независимо от места публикации и издания. Не надо тратить силы на перевод на английский язык развёрнутых аннотаций – для того, чтобы содержание статьи заинтересовало потенциального иностранного читателя, перевода ключевых слов более чем достаточно.

Абсолютно убеждён, что все так называемые ваковские журналы должны быть бесплатными – нельзя брать деньги ни за публикацию, ни за рецензирование статей, это чистая коммерция на науке. Аспиранту статьи, необходимые для защиты, обходятся в десятки тысяч, докторанту – в сотни тысяч рублей. Если вуз или учреждение заинтересовано в наличии ваковского статуса у своего журнала, оно обязано обеспечить полное финансирование издания. При этом вне контекста защиты диссертаций нельзя требовать от исследователя наличия именно ваковских публикаций (например, для прохождения по конкурсу, присвоения учёного звания, выступления оппонентом, выполнения функций представителя ведущей организации) – это его личное дело, где и что публиковать. Давайте уважать собственную науку и собственных учёных.

Иосиф СТЕРНИН,
доктор филологических наук

г. ВОРОНЕЖ

Письмо в Комитет по образованию и науке Государственной Думы

1 июня 2019

Государственная Дума РФ

**Комитет по образованию и науке
Государственной Думы**

**Председателю комитета
Никонову В.А.**

Стернин И.А.,
профессор Воронежского университета,
Воронеж, 394007
ул.Димитрова, д.4. кв.154
Тел 89038566141
sterninia@mail.ru

Уважаемый Вячеслав Алексеевич, всячески поддерживаю Вашу позицию и позицию вашего Комитета, направленную на преодоление формализма в оценке научной деятельности в России, сформулированную в рекомендациях проведенного Вами «Круглого стола». Хотелось бы, чтобы было инициировано соответствующее обязывающее решение в той или иной форме.

Предлагаю Вам некоторые дополнительные аргументы, связанные с формализмом и необоснованными требованиями российских конкурсов на предоставление научных грантов.

О преодолении формализма в оценке научных работ российских ученых

Я доктор филологических наук, профессор - филолог (мы с Вами и Л.Вербицкой встречались и общались на одном из форумов «Русского мира» в Москве).

Я занимаюсь научным проектом «Психолингвистический толковый словарь русского языка», это исследование значений русских слов и выражений через эксперименты с носителями языка и составление словарей реального языкового сознания. Мы уже создали несколько словарей,

которые дают ценные сведения не только для филологов-русистов, но и для преподавателей русского языка как иностранного, психолингвистов, культурологов, педагогов, социологов, философов, историков. Это направление успешно развивается, есть большой научный коллектив, и работа нуждается в продолжении и расширении, охвате основной лексики русского языка.

Проект не имеет аналогов в России и за рубежом, приоритет в этих исследованиях - именно за российской наукой.

До 2016 г. я уже руководил различными грантами, в том числе и по данной проблематике, но с 2016 г. ежегодно получаю на мои заявки на гранты по данному проекту только отказы.

Удивляет не сам факт отказа РГНФ – разумеется, должны развиваться исследования и в других областях, наш коллектив не в обиде, сколько удивляют **основания отказа**.

Таких, кроме частных замечаний, два:

1. Недостаточный научный уровень руководителя проекта в связи с тем, что его публикации представлены преимущественно в российских индексах цитирования

Рецензент:

«**Основное замечание** по представленному проекту касается научных публикаций руководителя. *Большая часть его публикаций представлена в изданиях, включенных в российские индексы цитируемости*,... все указанные им в заявке статьи в журнале "Вопросы психолингвистики" индексируются лишь в RussianScienceCitationIndex на платформе WebofScience, но не в WebofScienceCoreCollection. Таким образом, автор проекта нарушает одно из важнейших требований настоящего конкурса и предоставляет сведения, не соответствующие требованиям конкурсной документации».

ТАКИМ ОБРАЗОМ, ОСНОВНОЙ НЕДОСТАТОК МОЕГО ПРОЕКТА В ТОМ, ЧТО Я КАК РУКОВОДИТЕЛЬ ПУБЛИКУЮСЬ В РОССИИ И МЕНЯ ЦИТИРУЮТ В РОССИИ!

Отмечу, что «Вопросы психолингвистики» - наш ведущий профильный российский научный журнал из списка ВАК, который публикует работы по проблемам, которыми я занимаюсь и в рамках которых выполняется предлагаемый грант. Это просто демонстративное пренебрежение к нашему ведущему российскому научному журналу.

Теперь о моем научном уровне как руководителя гранта (сведения были указаны в заявке на грант):

- Я успешно руководил уже более чем 20-тью грантами;

- Индекс Хирша у меня - 56;
- Количество цитирований моих работ по данным электронной библиотеки – около 24000.
- У меня защитили диссертации 92 аспиранта и докторанта;
- У меня на настоящее время более 1500 опубликованных научных работ, 40 опубликованных монографий, более 200 книг и научных сборников вышли под моей научной редакцией;
- В последнем, опубликованном в 2017 г. списке «Языкознание: Топ-100 самых продуктивных российских учёных по данным eLibrary.ru», я вхожу в первую пятерку самых продуктивных российских лингвистов.
- Я заслуженный деятель науки РФ (с 2008 г.);

Мне кажется, что эти данные подтверждают мой достаточный научный уровень, который позволяет мне руководить грантом по научному проекту.

Но у Фонда явно другое мнение.

2. Отсутствие связи проекта с «мировой наукой»

Рецензенты:

«Положительной чертой проекта является наличие оригинальной концепции и коллектива единомышленников, работающих с ней. Однако **оригинальность имеет и обратную сторону** - заявленное исследование выглядит **оторванным от мировой науки**, по крайней, мере, составители заявки никак не озаботились тем, чтобы обозначить связь с ней».

«Оценка соответствия предполагаемых результатов мировому уровню исследований – **«Ниже среднего»**».

ТАКИМ ОБРАЗОМ, УНИКАЛЬНОСТЬ ПРОВОДИМЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ – ЭТО ПЛОХО, ТАК КАК ТАКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ НЕ СВЯЗАНО С ТЕНДЕНЦИЯМИ МИРОВОЙ НАУКИ.

Ну не абсурд ли?

Дело в том, что в нашем случае за границей данное направление просто отсутствует, и у нас оно только начинает развиваться. Полагаю, что в первую очередь именно такие проекты и надо поддерживать в целях обеспечения приоритета России в науке, а не тормозить их.

Что касается «мирового уровня», то это в первую очередь никак не наличие ссылок на зарубежные источники и не ориентированность российского исследования на западные тенденции, а как раз уникальность

наших разработок, обеспечивающая приоритет отечественной науки.

Гуманитарные исследования вообще приоритетны прежде всего для отечественной науки, тем более по русскому языку.

И опять – по условиям гранта **обязательно надо запланировать публикации статей в изданиях, индексируемых в зарубежных базах данных**, это одно из главных условий конкурса.

Мы российские ученые, исследуем проблемы русского языка, результаты исследований интересны и важны прежде всего в России и для России, они ориентированы на российских ученых, читателей и педагогов. Зачем выдвигать в качестве обязательного условия публикации в «международных базах»? И это вовсе не способ популяризации наших достижений: если иностранные ученые заинтересуются нашими обязательными английскими аннотациями, которые сейчас есть в каждой публикуемой статье, то пусть эти иностранные ученые учат наш великий язык и читают наши исследования по-русски или переводят их. Мы же учим английский и читаем по-английски то, что нам интересно в зарубежных изданиях!

Уважаемый Вячеслав Алексеевич, очень ждем и надеемся, что ваш Комитет внесет свой вклад в деbüroкратизацию российской науки и вернет осмысленность в научную работу российских ученых, освободив ее от необходимости работать на чуждые нашей науке и стране показатели, даст ученым сосредоточиться на качестве оригинальных научных исследований, что и продвинет нашу науку в мировые лидеры.

Всячески готов этому лично способствовать.

И.А.Стернин, профессор Воронежского университета

Прилагаю некоторые свои публикации на затрагиваемую тему:

- Письмо И.А.Стернина Президенту РФ В.В.Путину о науке и образовании (2019)
(<http://sterninia.ru/index.php/sobytiya-i-kommentarii/item/417-predlozheniya-v-v-putinu-o-nauke-i-obrazovanii-i-otvet-administratsii-prezidenta>)
- Статьи И.А.Стернина по проблемам образования и науки (2017-2018)
<http://www.poisknews.ru/theme/publications/22732/>

1 июня 2019 г.